

МОСКОВСКИЕ УМНИКИ И БОЛТУНЫ

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Послание Дмитрия Медведева неожиданно стало интеллектуальной новостью. Президент сломал традицию уже тем, что вынес *новую политическую стратегию* (его собственное определение) на предварительное обсуждение. **Впервые в истории Российской Федерации политическую идею обсуждали до ее превращения в директиву, а не после.** Так не бывало ни с одной политической идеей за все 20 лет жизни нового государства. (Даже провозглашение демократической суверенной России прошло без дебатов о его устройстве.) В Москве оживает интеллектуальная жизнь, и авторы пишут статьи под названиями «Наши разногласия», «Что делать» и «Решающий момент». В такие дни знаток русской истории может забеспокоиться — русский котел закипает, Россия пришла в умственное беспокойство, за чем всегда следует «и кое-что еще».

Сама идея тандема власти диалогична. Институт «Большой двойки Медведев-Путин» — думвирует пополам с диалогом. Преемственность плюс лавина полупубличных согласований. Раздражая умы, тандем разблокировал стихию плюрализма.

Потеря контекста

Однако российский плюрализм грамматически скуден. Проблема московских дебатов в их **контекстуальном** убожестве. Спорящие не сознают объективный контекст спора и не пытаются привлечь к нему внимание оппонента. Полемика жонглирует феноменами, представительность которых неясна. Это поддерживает интеллектуальную гегемонию власти, вынужденно чуткой к контекстам. Вот почему не общество, а Кремль чаще выступает Кандидом, настаивающим на здравомыслии.

Три дефицита

Засоренность московских споров геополитическим, историческим и социал-популистским хламом скрывает *три ментальных провала*: историко-критический, социальный и глобальный. Спорщики Москвы обходят вопрос о *России как новом государстве* внутри неизученного и сопротивляющегося социума. Они привычно игнорируют *глобальный контекст* российской внутренней политики (любой, хоть консервативной, хоть реформистской). И все неспособны к *критике исторического опыта* — последняя особенность придает московским дискуссиям особенно «не-европейский» стиль.

В социальной теории торжествуют грубые версии этатизма, дополненные столь же вульгарным экономизмом. Понимание страны подменяют толкованием управленческих схем, «с примерами из хозяйственной жизни». Между тем, Россия, подобно Индии, страна с доминированием общества над государством. Реальный социум представляет картину изошренных игр населения с институтами и процедурами. (Неясно впрочем, можно

ли такое общество именовать «гражданским»). Люди эксплуатируют власть, применяя неформальные «доильные аппараты». Власть лишенная собственной авторитетности, лавирует среди социальных сетей — клановых, семейных, дружеских. То, что из центра выглядит «коррупцией», зачастую лишь коды неопознанной социальной нормы. Норма вплетена в состав сложного и активного общественного капитала. Увы, этот капитал размещен не там, где его легко добывать для инновационных проектов.

Сложность возвращается?

Послание Медведева пытается вернуть дебатам их неизбежный контекст. Медведеву ясны ограничения любой разумной политики. Исторические: советское наследие России в хозяйстве и социальном быту. Политические: застойная гегемония Москвы в российской системе, «ножницы демократизации» центр-регионы. Двойственность русской identity, мечущейся от космополитизма к этничности. Наконец сама Россия, как новый, небывалый мировой государственный организм, пытающийся стать национальным государством, не покидая европейской ответственности... Вся эта повесть с трудом возвращается в московскую болтовню, но — возвращается. Все, не исключая президента, вступили во времена интеллектуальной подвижности. **Россия перестает быть страной, где интересно все, исключая ее представления о себе самой.** Это движение к более сложной России, которого иные дожидались более двадцати лет. Президент Медведев ли его подтолкнул? Или, начавшись спонтанно, оно захватило президента? ■